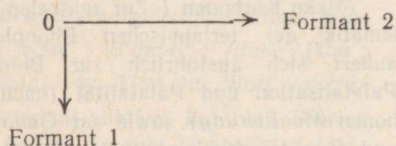

Abschließend muß festgestellt werden, daß der Sammelband auch fünf Jahre nach dem Symposium inhaltsreich und interessant ist. Trotzdem habe ich den Autoren zwei fast allgemeine Bemerkungen mitzuteilen.

1. Wir können annehmen, daß die finnisch-ugrische Transkription bei den Vokalen auf folgendem Schema beruht:

Dessenungeachtet bringen viele Autoren Vokalsysteme, in denen links *i* und rechts *u* angeordnet sind, anscheinend hält man das für moderner.

2. Manchmal wird über etwas von Spra-

chen und Dialekten diskutiert, was man selbst noch nicht gehört hat und vielleicht nie hören wird, jedoch was noch nicht ausgestorben ist. Andererseits gibt es Forscher verwandter Sprachen, die übrigens mehr oder weniger mit den gleichen Sprachen und Dialekten in Berührung kommen, jedoch nicht wissen, was notwendig wäre zu fixieren. Offensichtlich ist es sinnvoll, zur Zusammenstellung einer Problembank der Erforschung (z. B. der Phonetik und Morphologie) der Hauptdialekte der uralischen Sprachen überzugehen. Diese müßte Forschungsprogramme, mit deren Hilfe ein Nichtspezialist mithelfen könnte, Lücken zu schließen, umfassen. Außerdem ist ein Forschungszentrum oder -zentren notwendig, wo die entsprechenden Materialien gespeichert und darüber entsprechend Buch geführt wird.

LITERATUR

- Hallap, V. 1962, Mõtteid eesti keele välidete foneetika kohta. — ESA VIII, 238—250.
- Harms, R. T. 1960, A Descriptive Grammar of Estonian, Chicago, Illinois (MS).
- 1962, Estonian Grammar, Bloomington — The Hague (UAS 42).
- Hint, M. 1965, Murrakute foneetiliste ja fonoloogiliste süsteemide kirjeldamisest. — ESA 11, 113—116.
- Janurik, T. 1984, Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte der samojedischen Sprachen. — *Dialectologia Uralica*. Erstes Internationales Symposium zur Dialektologie der Uralischen Sprachen 4.—7. September 1984 in Hamburg. Thesen zu den Vorträgen und Vorschlägen zur Klassifizierung und einheitlichen Beschreibung der Dialekte der Uralischen Sprachen, Hamburg (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica), 53—56.
- Katz, H. 1975, Generative Phonologie und phonologische Sprachbünde der Ostjakischen und Samojedischen, München (Finnisch-Ugrische Bibliothek 4).
- Vértes, E. 1969, Vokalharmonie und Vokalbestand im Südostjakischen. — FUF 37.
- 1977, Morphonematische Untersuchung der ostjakischen Vokalharmonie, Budapest.
- Viits, T.-R. 1962, Tüvelisest astmevahelusest (eriti eesti keeles). — ESA VIII, 44—62.

TIIT-REIN VIITSO (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1985.4.11>

Urálisztikai tanulmányok (Hajdú Péter 60. születésnapja tiszteletére). Szerkesztők Bereczki Gábor, Domokos Péter, Budapest 1983. 475 cc.

В ознаменование юбилея всемирно известного венгерского самоедолога и уралолиста академика профессора Петера Хайду его коллеги выпустили сборник научных статей.

Сборник открывает краткий обзор Г. Беречки о жизни и деятельности юбилера. Далее следует перечень научных трудов П. Хайду (по 1982 г. включительно). Из 41 статьи сборника 8 посвящены полностью или частично самодийским языкам.

Э. Фанчан в своей статье (Fancsaly E., A *jöné* típusú igék és a PlGen.) продолжает дискуссию о происхождении ненецких глаголов типа *jöné*. Г. Лабади (G. Labádi, A nyenyec többes genitívusról. — Néprajz és Nyelvtudomány XIII, Szeged 1969, с. 25—29) предполагает, что ненецкие отыменные глаголы типа *jöné* 'есть мучной суп' (от *jā* 'мука') не происходят от генитива множественного числа (*jo'*), как считает ряд исследователей, в том числе и П. Хайду (P. Hajdú, Chresto-

mathia Samoiedica, Budapest 1968, с. 67—68). П. Хайду допускает в генитиве множественного числа чередование $\text{?} \sim \text{п}$ ($\text{jo}^? \sim \text{jon-}$), но Г. Лабади правильно указывает, что гортанный смычный в этой форме — неназализирующийся и, следовательно, не может чередоваться с п. Г. Лабади присоединяется к объяснению И. Дьёрке: -п- в глаголах типа $\text{j\ddot{o}n\acute{c}}$ представляет собой общеуральский суффикс отыменных глаголов, ср., например, фин. *vanha* 'старый' < *vanhe-ne-* 'стареть' (J. Gy\ddot{o}rke, Die Wortbildungslehre des Uralischen. (Prim\ddot{a}re Bildungssuffixe), Tartu 1935, с. 51). (К такому же выводу пришел Т. Лехтисало, который дополнительно — исходя из селькупских данных — взвешивал также возможность ассимиляции -п- < * η - в ненецких глаголах, ср. нен. *xapt\ddot{a}nc* 'кастриерен' (*x\ddot{a}pt* 'Ochs') — сельк. Таз *koptegnam* 'verschneiden, kastrieren' (*k\ddot{o}pte* 'Ochse, kastriertes Pferd') (см. Т. Lehtisalo, \ddot{U}ber die prim\ddot{a}ren uralischen ableitungssuffixe, Helsinki 1936, с. 129—132).) Но Г. Лабади считает, что как этот -п-, так и некоторые другие суффиксы отыменных глаголов присоединены в глаголах типа $\text{j\ddot{o}n\acute{c}}$ к форме аккузатива множественного числа. Э. Фанчай показывает, что и такое мнение ошибочно: форма аккузатива множественного числа часто не совпадает с основой отыменного глагола, например, *sawu\acute{c}* 'улучшиться', но аккузатив множественного числа *sab'i* (от *sawa* 'хороший'). Она считает, что чередование гласных типа $\text{j\ddot{a}} \sim \text{j\ddot{o}n\acute{c}}$, *sawa* — *sawu\acute{c}* представляет собой обычное чередование гласных основы в ненецком языке. Гипотеза Э. Фанчай, несомненно, очень логична. Окончательной ее проверке пока мешает слабая изученность чередования гласных ненецких основ.

В статье И. Футаки (I. Futaky, Zur Frage der nganasanisch-tungusischen Sprachkontakte) выявляются 10 возможных тунгусских заимствований в лексике нганасанского языка, которые ранее не этимологизировались: *\acute{d}\ddot{a}ngur* 'Tundra'; *golomo* 'kegelf\ddot{o}rmige H\ddot{u}tte aus Balken'; *fekag\ddot{a}*, *fekutea* 'heiß (Tag, Stein, Wasser)'; *hekut\ddot{a}* 'forró'; *kuma* 'Ren'; *m\ddot{a}g\ddot{a}* 'fest (z. B. ein Riemen)'; *mag\ddot{a}* 'fest, hart'; *maut* 'Fangseil, Lasso'; *\acute{n}ur\eta* 'Freund'; *\acute{s}are²-\acute{a}tem*, *\acute{s}areajem* 'Hochzeit feiern'; *t\ddot{a}l\ddot{a}*

'Mitglied einer anderen Familie gleichen Namens'; *tansa* 'Geschlecht; народ племя', *tans\ddot{a}* 'nemzets\ddot{e}g'.

Я. Гуя (Gulya J., XVIII. sz\ddot{a}zadi etimol\ddot{o}gi\ddot{a}k. Mutatv\ddot{a}ny J. E. Fischer «Vocabularium Sibiricum» -\acute{a}nak k\ddot{e}sz\ddot{u}l\ddot{o} kiadv\ddot{a}ny\ddot{a}b\ddot{o}l) приводит 12 словарных статей указанного труда. Речь идет о подготовке к изданию рукописи «Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quatuor gentium, maxime ex parte Sibiricarum» И. Э. Фишера, которая хранится в университетской библиотеке Гёттингена в ФРГ. Следует лишь приветствовать инициативу и труд сотрудников и студентов финно-угорского семинара Гёттингенского университета, направленные на упорядоченное и комментированное издание этого материала — своего рода этимологического словаря уральских языков, в котором представлены редкие данные по многим финно-угорским и самодийским языкам. Однако следует заметить, что авторство словаря не совсем ясно. Е. А. Хелимский, который специально занимался этим вопросом, пишет, что «данный словарь не был собран самим Фишером, а является... одним из списков «Лексикона самодийского» и других словарей Г. Ф. Миллера» (Е. А. Хелимский, Лексикографические материалы XVIII — начала XIX вв. по саяно-самодийским языкам. — Языки и топонимия, Томск 1978, с. 52). Он приводит также слова П. П. Пекарского: «Что касается до сборника слов из языков разных сибирских народов, то он не был трудом самого Фишера» (П. П. Пекарский, История Академии наук в Петербурге I, СПб. 1870, с. 631).

Статья Т. Янурика (Janurik T., PS ~ Psk iget\ddot{o}megfelel\ddot{e}sek) посвящена выявлению морфонологических моделей праселькупских глагольных основ и их соответствия/несоответствия морфонологическим моделям прасамодийских глагольных основ. Автор реконструирует в праселькупском четыре типа моделей глагольных основ:

1-й тип	2-й тип
CVC\ddot{a}-, CVCC\ddot{a}-,	CVC(\ddot{a})-
VC\ddot{a}-, VCC\ddot{a}-	VC(\ddot{a})-
3-й тип	4-й тип
CVC-	CV-
VC-	V-

Он считает, что эти типы получены в результате редукции конечных звуков основ и являются тем самым продолжателями единого прауральского типа:

прауральский единственный тип		праселькупские типы				
		1-й	2-й	3-й	4-й	
CVCV	→	CVCə	←	CVC	→	CV
VCV	→	VCə	←	VC	→	V

Далее Т. Янурик извлекает из общеселькупского словаря Ю. Янхунена (J. Janhunen, *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien*, Helsinki 1977) все прасамодийские реконструкции глагольных основ, которые имеют селькупские соответствия — таких он находит 157, и сравнивает их с праселькупскими реконструкциями. Получается следующая картина соответствий/несоответствий:

Пра-самодийские	Праселькупские							Всего			
	CVCCə	VCCə	CVCə	VCə	CVC(ə)	VC(ə)	CVC VC CV V				
CVCCV	25		3					28			
VCCV		2	1					3			
CVCV			51	1	6			58			
VCV				8				8			
CVC(V)					5		2	7			
VC(V)											
CVC			4				17	21			
VC						1		2			
CV			1					25			
V								3			
Всего	25	2	60	9	11	1	19	2	25	3	157

Приводится также полный систематизированный список этих реконструкций. Поражает совпадение морфонологической модели реконструированных глагольных основ в подавляющем большинстве случаев.

Вторая половина статьи Т. Марка (Márk T., *A nyelvi idő nyomában*) посвящена рассмотрению некоторых специфических черт грамматического времени в самодийских языках с примерами из ненецкого и селькупского языков. Анализ Т. Марка способствует лучшему пониманию сущности категории времени самодийских языков.

Т. Микола (Mikola T., *Adalékok a nyenyec nazálsok történetéhez*) обращается к проблематике происхождения нен. *-n-* (> *-ń-* > *-j-*). Он выявляет сложную картину путей развития *-n-* как из **-n-*, так и из **-nt-*. Хорошо известно, что вопросы, связанные с чередованием в самодийских языках смычных **k*, **p*, **t* с их сочетаниями с гоморганными носовыми **ŋk*, **mp*, **nt*, еще далеки от окончательного решения. Но каждый шаг, сделанный в сторону решения, имеет большое значение для исторической самоэдологии и уралистики.

Статья Я. Пустаи (Pusztay J., *A grammatikai és a lokális kázusok genetikai*

karcsolatáról) носит общеуральский характер, но данные по самодийским языкам играют в ней исключительно важную роль. Автор констатирует, что сейчас принято реконструировать в прауральском генитиве на **-n* и аккузативе на **-m*, хотя часть современных уральских языков их следов не знает. Я. Пустаи считает, что данные уральских языков говорят о близости генитива-инструктива с локативом и позволяют реконструировать в прауральском как генитив, так и локатив в форме **-n(V)*. Далее он приводит данные из палеоазиатских языков, показывающие материальную и функциональную близость, частично даже идентичность в них генитива и локатива. За границами сибирского ареала такое же явление прослеживается в японском и австралийских языках. Рассматривая аккузатив на **-m*, Я. Пустаи указывает на употребление суффикса *-m* в темпоральной функции в марийском языке, например, *teləm* 'зимой', и в латвийской функции в ненецком языке, например, *tāññejōm* 'в том направлении'. По его мнению, латвийный *-m* выступает и в составе самодийского окончания прозекутива-пролатива, например, нен. *-m-na*. Он напоминает и о наличии в уральских языках словообразовательного действительного и локализирующего суффикса *-mV*, например,

фин. *tämä* 'этот, этот здесь', нен. *xäema* 'место ухода, отъезда' (от *xäes* 'идти'). (Предполагается ведь этимологическая связь между аккузативным *-t* и локативным *-t* в венгерском.) Далее Я. Пустан демонстрирует функциональную близость соответствующих элементов в палеоазиатских языках. Следует сказать, что гипотеза автора статьи представляет исключительный интерес. Хорошо известно, что юбиляр П. Хайду является пионером сопоставительного анализа уральского и палеоазиатского морфологического материала, а также ареального исследования морфологии уральских языков вообще. Он уже доказал, что такой подход открывает новые перспективы перед исторической уралолистикой.

Э. Сий в своей статье (S z i j E., A. kor és a nem kifejeződése a Malaja Zemlja-i nyenyec rokonságnevekben) дает подробный семантический анализ этого явления в виде формализованных таблиц. Такой

анализ представляет интерес как с лингвистической, так и с этнологической точек зрения.

Можно констатировать, что самоедологические работы, опубликованные в ознаменование юбилея П. Хайду, достойно чествуют прославленного исследователя самодийских языков и вносят весомый вклад в самоедологию.

Остальные статьи сборника посвящены венгерскому (R. Austerlitz, M. Dugántsy, I. Fodor, J. Kiss, A. Nyíri, P. Simoncsics), обско-угорским (E. Schmidt, B. Kálmán, M. Csepregi, L. Honti, E. Vértes, K. Rédei), пермским (A. Dobó, S. Csúcs, A. Kiss), мордовским (G. Zaicz), саамскому (N. Bradean-Ebinger), финскому и венгерскому (I. Kniivilä) языкам, уральско-тюркско-татарским контактам (A. Róna-Tas), двуязычию финно-угорских народов (I. Bátori) и другим интересным проблемам.

АГО КЮННАП (Тарту)

E. K a g a i n e, *Ergemes izlksnes vārdnīca, Rīga, «Zinātne», I. 1977, 536 S., II. 1978, 591 S., III. 1983, 800 S.*

Der nördliche Nachbar des ehemaligen Kirchspiels Härgmäe (lett. Ergeme) ist das estnische Kirchspiel Helme gewesen. Zwischen den hier lebenden Esten und Letten gab es im Laufe der Jahrhunderte enge Kontakte. Die Sprachgrenze ist mehr oder weniger zum einen oder anderen Sprachgebiet verschoben worden. In den letzten Jahrhunderten trat die lettische Sprache als die stärkere hervor. Ergeme ist früher im wesentlichen estnischsprachig gewesen und muß jetzt als lettischsprachig bezeichnet werden, doch estnischsprachige Ortsnamen blieben erhalten und im örtlichen lettischen Dialekt findet sich reichlich estnisches Substrat. Die stets anhaltenden Kontakte haben auch Adstraterscheinungen hervorgebracht. In welcher Weise im Mulgi-Dialekt die zahlreichen lettischen Lehnwörter vorkommen, damit hat sich L. Vaba in seiner Kandidatendissertation «Läti laensõnad eesti keeles» (Tallinn 1977) ausführlich beschäftigt. Wie es sich mit estnischem Lehngut und anderen estnischartigen Erscheinungen im nördlichen Teil der Lettischen SSR, besonders in der Ergeme-Mundart verhält, zeigt das 1983

mit dem 3. Band zur Vollendung gebrachte Wörterbuch der lettischen Ergeme-Mundart. Dieses Werk beinhaltet eine kurze Einführung, die mit der Mundart und dem Materialsammeln bekannt macht. Im Wörterverzeichnis sind Wörter dieser Mundart und der Gemeinsprache, die in Gebrauch sind und die sich phonetisch und morphologisch der Mundart angepaßt haben, vorgestellt worden. Das gesamte Material ist phonetisch transkribiert. In der Mundart gibt es drei Intonationen, die feste lexikalische und grammatische Funktionen besitzen. Die Intonationen sind mit besonderen Zeichen angegeben worden und mögliche Abweichungen werden hervorgehoben. Falls die Dialektwörter dem Sprecher der Gemeinsprache unverständlich sind oder diese in der Gemeinsprache eine andere Bedeutungsnuance aufweisen, wurden diese in die Schriftsprache übersetzt oder erklärt. Bei der Erläuterung ethnographischer Begriffe helfen Zeichnungen und wie wichtig diese sind, wird an mehreren Stellen deutlich. Dazu seien einige Beispiele genannt: im 1. Band, S. 153 ist *balja* und